А.А.Пауткин

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ В ЛЕТОПИСНЫХ КНЯЖЕСКИХ НЕКРОЛОГАХ

Средневековая письменность дает немало примеров всевозможных "похвал" светским и духовным деятелям. Панегирическое начало проявилось в различных по жанру, объему и форме бытования произведениях древнерусской литературы. Особенно тесно с практикой государства были связаны тексты, содержащие прославления светских правителей. Агиография, торжественное красноречие, летописание становились носителями княжеских "похвал", которые подчас начинали и самостоятельную жизнь (например, "Похвала князю Ростиславу Мстиславичу"). Они становились композиционной частью пространного повествования или являлись цельным произведением. Ю.К.Бегунов, характеризуя разнообразие этой литературы, отмечал случаи, когда "не особенно заботясь о "чистоте жанра", писатели соединяют панегирик то с книжной припиской, то с княжеским житием, то с летописью, то с повествованием типа сказаний" [I]. Известны не только персональные, но и своего рода "коллективные" прославления. Так, в "Похвале роду рязанских князей" содержится ретроспективная характеристика целой ветви княжеского дома.

В ряду панегирических сочинений особое место принадлежит летописным княжеским "похвалам". Они выглядят сравнительно скромно и

I Бегунов Ю.К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX-XVI вв. (К постановке вопроса) // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. - Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. - М., 1973. - С.392.

буднично, ведь их судьба была связана прежде всего с задачами историографическими. Тем не менее летописным похвалам суждено было стать одной из ранних попыток освоения человеческой личности в нашей литературе. Способы и традиции изображения человека, выработанные русским летописанием уже в начале своего развития, невозможно себе представить без фактов такого рода. Летописцы вставали перед необходимостью сделать известное обобщение, дать оценку деятельности властителя, предложить характеристику князя в особом тексте, венчающем рассказ о целом этапе истории. Для этого избирались разные пути и средства. Иногда заметно влияние других жанров (от акафиста до ораторской прозы), широкое проникновение книжной языковой стихии в эти летописные фрагменты [2]. Ориентация на высокие образцы приводила к риторической изощренности отдельных летописных похвал. Широко известно летописное прославление волынского князя Владимира Васильковича, автор которого воспользовался "Словом о законе и благодати" митрополита Илариона, а через него и всей предшествующей традицией. Отдельные похвалы свидетельствуют даже о межславянских литературных связях. Так, Р.Якобсон указывал на чешскую "Homelia in festo Ludmile, patrone Bohemiorum" как на модель "для образного строя похвалы св. Ольги, вставленной под датой 969 в русский Начальный свод" [3].

Самый многочисленный тип летописных похвал - некрологические характеристики [4]. Известно, что "поступки, дела, действия и жесты -

---

[2] См.: Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. - Киев, 1986. - С.7, 34-37.

[3] Якобсон Р. Работы по поэтике. - М., 1987. - С.52.

[4] Этот термин в частности использует Ю.К.Бегунов. (См. его указ.статью).

основное в характеристике князей"[5]. Специальным же рассуждениям о чертах какого-либо деятеля отводилось особое место и время. Качества князя сами по себе интересовали летописца почти всегда в связи с кончиной правителя. За сообщением о смерти князя, как правило, следовало перечисление достоинств умершего. В известной мере оно противопоставлено показу князя в конкретном действии. Возможно, появление таких описаний связано не только с необходимостью посмертного прославления. Разрозненность отдельных биографических фактов в летописи вызывала потребность суммировать все уже в ином виде. Летописцу представлялся случай "подвести под общий знаменатель" подчас запутанную информацию о князе. И.П.Еремин отмечал противоречивость оценок деяний отдельных князей в "Повести временных лет" (князь - "хамелеон")[6]. Не является ли летописная характеристика, строившаяся по определенному канону, свидетельством устремленности к эстетическому идеалу, понимаемому как порядок, соразмерность, попыткой преодолеть хаотичность повседневных проявлений человеческой личности? Ведь этому способствовало особое место таких характеристик. Будучи одной из малых форм в общем строе летописи,они не только становятся границами между частями повествования, но и могут отделять друг от друга тексты разных авторов[7]..

---

[5] Лихачев Д.С. Изображение людей в летописи XII-XIII веков// ТОДРЛ. - М.; Л., 1954. Т.II. - С.I2.

[6] Еремин И.П. Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). - М.; Л., 1966. - С.88.

[7] Известны попытки атрибуции отдельных некрологов. Так, М.Д.Приселков, Б.А.Рыбаков, Ю.К.Бегунов связывают ряд некрологов Ростислава Мстиславича и его детей с именем Моисея Выдубицкого.

И.П.Еремин на материале "Киевской летописи" пришел к выводу о том, что "зерном, из которого повесть как жанр выросла и сформировалась" [8] стала запись о смерти князя. Исследователь показал эволюцию этого типа повествований от простой погодной записи до агиографического панегирика, отметив, что "прямая - "от автора" - характеристика покойного князя как человека"[9] присоединилась к записи о смерти еще на раннем этапе этого процесса. К сожалению, далеко не все некрологические записи содержат полный перечень компонентов, отмеченных И.П.Ереминым. Чаще перед нами отдельные звенья этой цепи. Если информация о кончине того или иного князя неизменно дается летописцами, то посмертная похвала-характеристика встречается не всегда. Многие известные правители вообще ее не удостоились. С другой стороны возможно появление краткой похвалы даже о не правившем члене княжеской семьи. Например, сын Юрия Долгорукого Святослав, страдавший "от рожества и до свершенья мужьства" жестокой болезнью и умерший в молодости, изображается суздальским летописцем как "божии оугодникъ избраныи въ всех князехъ" [10]. И тем не менее, краткая характеристика может быть названа организующим центром летописных сообщений этого рода, ведь она обладает бесспорной жанровой определенностью, обособленностью и устойчивой традиционностью.

Нельзя утверждать, что собственную концепцию исторической личности мы в состоянии выработать на основании посмертной летописной характеристики. Полнота представлений о человеке средневековья (с

---

[8] Еремин И.П. Литература Древней Руси. - С.115.

[9] Там же.

[10] ПСРЛ. - М., 1962. Т.I. Стб.366. Последующие ссылки в тексте на ПСРЛ (м., 1962. Т.I-П) с указанием тома и столбца.

определенными оговорками) может быть почерпнута лишь из повествовательной части. Панегирик служит вспомогательным материалом, ибо "идеализация общественного положения", "геральдичность" [11] проявляются здесь с еще большей силой. Однако даже тут конкретность идет рука об руку с идеализацией. Что же действительно индивидуального в оценке личности мы найдем в посмертной характеристике князя? Итогом неоднократного обращения исследователей к проблемам изображения человека в древнерусской литературе стала констатация закономерностей, доминирующих черт в запечатлении средневековыми авторами своих героев. Отмечая проявления литературного этикета, мы зачастую видим лишь подтверждение тезиса о том, что должен был и мог, сообразно средневековому миросозерцанию, описывать древний книжник, а чего нельзя от него ожидать. При этом в стороне остаются реалии самой жизни, без которых не мог обойтись ни один писатель. Возникает вопрос, только ли морализирование и идеализация "создавали" некрологическую характеристику князя, или его деятельность и свойства личности влияли на приемы летописца, создающего похвалу?

Летописцы традиционно фиксировали определенный ряд качеств князя. Б.А.Рыбаков, сопоставивший известия киевского летописания с материалами В.Н.Татищева, предложил "подробную анкету", по которой составлены характеристики князей в татищевской "Истории" [12]. Одно из ведущих мест здесь занимают черты князя-полководца. Этот опыт систематизации важен и для осмысления собственно летописных сведений, ведь среди добродетельных качеств князя современники выше все-

---

[11] См. об этом: Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. - М., 1970. - С.26-30.

[12] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.364.

го ценили именно ратный труд. Это позволило Д.С.Лихачеву отметить, что даже для монахов "эстетическим идеалом... остается все же светский идеал воина, именно образ воина стоит впереди церковного подвижника" [13].

Однако, несмотря на очевидное первенство воинского начала в оценке личности, далеко не во всех некрологических характеристиках говорится о ратных подвигах князя. Особенно это заметно на самых ранних этапах развития летописного повествования, где вся информация об умершем зачастую занимала несколько строк. Так, в "Повести временных лет" о Глебе Святославиче, с которым лично был знаком Никон Великий, читаем: "Бѣ же Глѣбъ милостивъ на вбогия и страньнолюбивъ тщанье имья къ церквамъ теплъ на вѣроу и кротокъ взоромъ красенъ" (П.190-191). Не явилось ли причиной отсутствия ратных доблестей в некрологе Глеба, убитого в Заволочье, то обстоятельство, что князь этот был мало удачлив, изгонялся из своих владений? В обширной похвале князю-скитальцу Изяславу Ярославичу, предательски убитому на Нежатинной Ниве, основное внимание уделено тому, что был он: "Незлобивъ нравомъ кривды ненавидя любя правду клюкъ же в немь не бѣ ни льсти но простъ оумомъ не воздая зла за зло" (П.193). Ничего не говорит летописец и о воинских качествах Ярополка Изяславича, пронзенного во время отдыха саблей Нерадца. Христианские добродетели этих князей сближают их характеристики с посмертной похвалой духовному лицу - митрополиту Иоанну (под 1086 г.).

Безусловно, мытарства князей-изгоев, обстоятельства их трагической гибели заставляли книжника писать о них как о мучениках. Это уже само по себе - проявление воздействия исторического факта,

---

[13] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978. - С.65.

судьбы героя на форму похвального текста. Но отсутствие значительных полководческих успехов, склонности к ратному делу, преобладание воинских неудач, которые и делали князя страдальцем, в неменьшей степени могли становиться причиной возникновения похвалы, лишенной дружинного элемента. Так, "обделены" воинскими добродетелями Роман Ростиславич, потерпевший в 1177 г. поражение от половцев, и знаменитый волынский князь Владимир Василькович. Волынский автор, верный традициям киевского летописания, создал чрезвычайно подробную похвалу Владимиру, где и при столь детальном перечислении достоинств усопшего не нашлось места для качеств ратника, полководца. Видимо, такая оценка продиктована самой жизнью.

Этим посмертным характеристикам противостоят похвалы, содержащие воинский элемент. Иногда он подчиняет себе всю характеристику, становясь ведущим или единственным признаком князя, а подчас, напротив - затмевается прочими качествами. Мстислав Владимирович Храбрый, "иже зареза Ределю предъ пълкы касожьскыми", и Ростислав Владимирович Тмутараканский оцениваются в "Повести временных лет" преимущественно как воины: "Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ чермьномь лицемь великома очима храбръ на рати и милостивъ и любяше дружину по велику а имѣния не щадяше ни питья ни ядения" (П.138); "Бѣ же Ростиславъ мужь добръ на рать възрастом же лѣпъ и красенъ лицемь милостивъ оубогимъ" (П.55). Интересно, что летописец подробно излагает версию об отравлении Ростислава на пиру греческим посланцем. И тем не менее, характеристика столь варварски умерщвленного князя не принимает облика похвалы мученику.

"Киевская летопись" дает примеры похвал, где качества государственного деятеля, воина, соединяются с традиционными христианскими. Вот, как описываются именно полководческие достоинства некоторых князей. Владимир Мономах "наипаче же бѣ страшенъ поганымъ... и доб-

рыи страдалець за Рускую землю" (П.289), - сообщает южнорусский летописец. В "Суздальской летописи" о нем читаем аналогичную информацию: "Прослувыи в побѣдах его имене трепетаху вся страны" (I.294). Мстислав Ростиславич Храбрый, удостоенный в ХУ в. евфимиевской канонизации: "Бѣ бо крѣпокъ на рати всегда бо тосняшеться оумрети за Роускую землю и за хрестьяны" (П.6II). Людям "не може забыти доблести его" (П.6I2). Характеризуя этого князя, который "всегда бо тосняшеться на великая дела", летописец не удержался от подробного описания отношения Мстислава к дружине. Для нее он не жалел имущества, золота и серебра. Здесь появляется даже излюбленная формула княжеского обращения к своим воинам: "Егда бо видяше хрестьяны полонены от поганых и тако молвяше дружинѣ своеи братья ничто же имете во умѣ своем аще нынь оумремь за хрестьяны то очистився грѣховъ своих... слава богу мы бо аще нынѣ оумрем умрем же всяко" (П.6II). Своевольный и энергичный брат Мстислава - Давыд Ростиславич смоленский тоже удостоился довольно подробной похвалы. Хотя князь и принял перед смертью монашество ("в скымѣ бывъ" - I.4I4), наряду с христианскими качествами отмечена и его ратная доблесть, любовь к дружине ("бѣ бо любяи дроужиноу" - П.703) [I4]. Воинские разделы характеристик двух братьев Ростиславичей весьма близки между собой в формальном отношении, что дало основания Б.А.Рыбакову говорить о "некрологическом штампе" игумена Моисея - "злата и сребра не собирал но давал дружине" [I5].

[I4] Оценка историками деяний этого князя противоречива. См., в частности: Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы ХП в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. - М., 1976. - С.75-79.

[I5] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - С.64.

Галицкое летописание XIII в., где наблюдается подавляющее преобладание воинского начала, не дает традиционной похвалы. Жизнеописанию Даниила Романовича чужда подобная локализация характеристики. Она распространяется до масштабов всего произведения, рассредоточена по многим отдельным описаниям, повестям, входящим в "Летописец". (знаменитую фразу: "Бѣ бо дерзъ и храборъ от главы и до ногу не бѣ на немь порока" - П.744-745 - нельзя отнести к интересующему нас жанру). Как известно, "Летописец" Даниила не доведен до смерти объединителя юго-западной Руси. Запись о его кончине сделана уже волынским автором, который лишь перечислил главные добродетели короля Даниила. Князь-воитель удостоен здесь только эпитета - "хоробрыи". Несмотря на то, что эта краткая характеристика резко контрастирует с богатым подробностями повествованием о жизни Даниила, все в ней конкретно, отражает реальные свойства правителя, вплоть до особо теплой привязанности князя к брату Васильку ("Бяшеть бо братолюбьемь святяся с братомъ своимъ Василкомъ" - П.862). Воинские качества короля Даниила отмечены, пусть и бегло, даже сдержанным по отношению к нему волынским летописцем, не пожелавшим прославить князя в пространном панегирике.

Далеко не все князья, однако, вели себя в жизни так, как Даниил Галицкий ("спешаше бо и тосняшеся на воину" - П.821). Показательные уточнения в этом смысле дают характеристики сына Ярослава Мудрого - Всеволода и знаменитого Ярослава Владимировича Мономаха. И в похвале про него говорится: князь раздавал волости, чтобы избавиться от посягательств своих племянников. Это - не лучшая характеристика князя с позиции воинов. Тем более, что Всеволод начал противопоставлять младшую и старшую дружину: "Нача любити смыслъ оуных" (II.208). Галицкий же правитель, по словам похвалы, "бе... славен полкы", но сам не ходил со своими дружинами в бой: "Гдѣ бо бяшеть

ему обида самъ не ходяшеть полкы своими" (П.656).

Таким образом, различное внимание отдельных летописцев к воинским качествам своих "героев" объясняется не столько определенными литературными задачами, писательскими склонностями, сколько реальными свойствами людей, удостоенных похвалы. Недаром суздальский летописец отмечал: "Князь бо не туне мечь носить в месть злодѣем а в похвалу добро творящим" (I.436). Характерно, что даже канонизированные князья-страстотерпцы Юрий Всеволодович, убитый в сражении на Сити, и Василько Константинович ростовский, замученный татарами после битвы в Шерньском лесу, наделены в похвалах "Суздальской летописи" воинским мужеством и доблестью. Реальность и здесь берет верх над задачами агиографической идеализации.

Особенно интересны в некрологических похвалах те моменты, которые связаны с прославлением мудрости, книжной образованности. Надо признать, что летописные сведения такого рода редки и крайне не регулярны. Светский идеал требовал иных средств характеристики личности, искал в ней другие свойства (ср. с летописными известиями о кончинах духовных лиц, где книжность человека отмечалась особо). Кроме того, не все князья были настолько грамотны, не все искали в книжности ответы на государственные вопросы, и уж совсем не многие, как Ярослав Мудрый засеяли "книжными словесы сердца вѣрныхъ людии" (П.140). Часто происходило то, что применительно к Западной Европе отмечал М.Блок: князья "вступали слишком молодыми в жизнь, полную приключений и опасностей; у них не было досуга готовить себя к профессии властелина, разве что на практике или внимая устной традиции" [16]. И все-таки государственная мудрость связывалась древнерус-

---

[16] Блок М. Феодальное общество // Он же. Апология история, или Ремесло историка. - М., 1986. - С.143.

скими летописцами в немалой степени именно с книжностью, вниманием к письменному слову. Б.В.Сапунов, ссылаясь на летописи, перечисляет выдающихся "книжных людей" XI-XIII вв., относящихся к княжескому сословию. Это - Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Ярослав Осмомысл, Владимир Василькович и Константин Всеволодович ростовский [17]. В похвале последнему говорится: "Часто бо чтяше книгы съ прилежаньемъ и творяше все по писаному" (I.443). Константин обладал "мудростью" Соломонею", умудрял всех "духовными бесѣдами".

К сожалению, даже в тех случаях, когда факты истории письменности свидетельствуют об интересе князя к книжному богатству, летописный текст не редко бывает лишен нужной нам информации: активно вмешивается политика, симпатии создателей свода. О Святославе Ярославиче, умершем "от резанья желве" в 1076 г., с именем которого связаны два знаменитых памятника славяно-русской письменности, "Повесть временных лет" не донесла вообще ни одного похвального слова. Виной тому его вражда с печерскими монахами и Феодосием, обличавшим князя за изгнание брата Изяслава ("Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего" - П.173). О грамотности Святослава говорит и тот факт, что Феодосий посылает ему большое письмо, а князь "яко... прочьте епистолию ту разгневася зело и яко львъ рикнувъ на правьднаго и удари тою о землю" [18]. Изгнанный же Изяслав, несмотря на его обращения к папе и Болеславу, сложные отношения с киевлянами, заслужил прочувствованную похвалу печерского летописца. Правда, из нее можно судить о слабости характера князя, ведь она лишена не только воинского элемента, но и упоминания о государственной мудрос-

---

[17] Сапунов В.В. Книга в России XI-XIII вв.- Л., 1978. - С.152.

[18] Успенский сборник XII-XIII вв. - М., 1971. - С.121.

ти ("прость умом" - П.193). В истории письменности возникает любопытная ситуация. Князья-братья словно бы перехватывают похвалы друг у друга. Один "отбирает" у брата похвалу в летописи. Другой -, скорее всего, присваивает себе читаемую в конце Изборника 1073 г. похвалу Изяслава, утвердив по стертому свое имя и заставив исследователей гадать о нечитаемом тексте.

Сын Изяслава - Святополк, в княжении которого окончательно формировалась "Повесть временных лет", был по известиям В.Н.Татищева, "читатель книг" [19]. Это подтвердают и данные эпиграфики. Князю принадлежит редчайший автограф на стене киевского Софийского собора [20]. Б.А.Рыбаков считает, что Святополк был еще ребенком в момент появления этой записи [21]. Оказавшись замешанным в истории ослепления Василька Теребовльского, Святополк стал жертвою последующих редакторов летописи. О его кончине только сообщается, все внимание будет сосредоточено на идущем ему на смену Владимире Мономахе, в некрологе которого летописец подчеркнет мудрость князя: "Просвьти Рускую землю акы солнце луча пущая" (П.289).

Немало князей и правителей средневековья получило меткие прозвища. При всей своей лапидарности эти наименования, как и некрологические характеристики были отражением взглядов людей того времени, подчинялись известным установлениям эпохи. Сопоставив их с рассмат-

---

[19] Татищев В.Н. История Российская: В семи томах. - М.; Л., 1962. Т.П. - С.211.

[20] См.: Высоцкий С.А. Киевские граффити и "Слово о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и его время. - М., 1985. - С.204.

[21] См.: Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси: Исследования и заметки. - М., 1984. - С.56.

риваемыми характеристиками, можно увидеть те же свойства личности, доминирующие черты человека, которые подмечали и летописцы. Различно лишь число признаков, но принцип их отбора одинаков. И у нас, и в Европе, типы прозваний, способы их образования сходны, а иногда и повторяются при большем лексическом разнообразии западных аналогов. Создавая похвалу, летописец иногда рисовал идеальный портрет князя. Эта часть характеристики наименее конкретна, лишена за редким исключением (напр., портрет Владимира Васильковича) живых черт. Внешность князя или отдельные физические недостатки (увечья) становились основой образования многих прозвищ: Красный, Черный, Безокий, Немой - Красивый, Барбаросса, Слепой, Кривоустый, Толстый и т.п.

Доблесть и сила (Удатный, Храбрый, "Буй-тур" - Смелый, Завоеватель, "Львиное сердце"), отношение к религии (Святой, Постник, "Святоша" - Благочестивый, Исповедник, Монах), доминирующие черты характера (Добрый, Гордый - Справедливый, Тихий, Суровый) отмечались как создателями похвал, так и народной молвой. Гораздо реже прозвания отражали отношение современников к мудрости, умственным способностям того или иного правителя. У нас - это единичные случаи (Вещий, Осмомысл, Мудрый), в Европе таких фактов почти совсем нет. Подобная оценка личности подразумевает сложный спектр качеств. Здесь и грамотность, знание книг и законов, государственная мудрость. Словом, многое из того, что предлагал ценить в человеке Даниил Заточник. Наличие перечисленных свойств делало правителя совершенно экстраординарной личностью. (Ср., напр., Ярослава Мудрого, который "книгамъ прилежа почитая часто в дьни и вь нощи" (П.139) и Альфонса Х Кастильского, тоже прозванного Мудрым за свои научные занятия и покровительство знаниям).

Действительно, необычный правитель вырисовывается из похвалы волынского летописца XIII в. Стремление создать небывало пышную лау-

дацию не помешало ему сосредоточить в некрологе весьма разнообразные сведения о Владимире Васильковиче. О нем говорится прежде всего как о князе-мыслителе. Сразу же за описанием наружности Владимира следует фраза: "Глаголаше ясно от книгъ зане бысть философъ великъ" (П.921). Это - доминирующее свойство личности волынского князя. Сравним, например, как оценивалась современниками мудрость других юго-западных правителей. Даниил Романович просто назван мудрым, но, желая быть точным, летописец прежде упомянул храбрость этого князя. В прижизненной характеристике его брата Василько сказано: "Оумом великъ и дерзостью" (П.799). Даже прославленный автором "Слова о полку Игореве" Ярослав Осмомысл оценен более скромно - "князь моудръ и рѣченъ языком" (П.656). Дружинная характеристика, представленная в этих фрагментах, отсутствует в похвале Владимиру (тоже наблюдаем и в похвале знатоку книг Константину ростовскому). Ее место занимает нечастое в некрологах упоминание об охотничьем искусстве князя ("ловечь хитръ и хоробръ" - П.921). Даже когда летописец замечает: "Моужьство и оумь в немь живяше" (П.921), имеется в виду отнюдь не ратное мужество, а жизненная стойкость, умение переносить удары судьбы и страдания. Бездетный волынский князь, завещавший свои земли двоюродному брату, долгие годы безропотно переносил жестокие мучения. Болезнь, ставшая причиной его смерти, ужасала современников. Кроткий страдалец избегал участия в военных экспедициях, умело вел политику с татарами, отказываясь участвовать в их набегах против соседей. Не только подробность и объем похвалы позволяют в данном случае полнее судить о характере конкретного человека. Здесь по-иному расставлены акценты, изменен традиционный порядок перечисления свойств личности князя. Отсутствие в похвале того или иного момента зачастую может быть гораздо более значимым, чем наличие всех испытанных временем компонентов.

Таким образом, при всей этикетности похвал, моралистическом их звучании, условности многих элементов, в традиционной характеристике все же оставалось место для конкретности. На примере рассмотренной оппозиции - "в ратьхъ храбъръ в съветехъ мудръ и разумьнь" мы видим, что летописные похвалы содержат меткие наблюдения, адекватные в основных чертах свойствам личности. Отображая судьбу человека в ее итогах, летописные похвалы стали одним из проявлений первых робких попыток раскрытия духовного мира исторической личности в нашей древней литературе.

Реальная личность влияла не только на содержание характеристики, но и на литературную форму похвалы, до известной степени определяла ее жанр. Действительно, невозможно представить, чтобы о Владимире Васильковиче, князе-мыслителе и страдальце, в летописи была помещена эпическая похвала в духе характеристики безрассудно храброго Романа Мстиславича, который тоже обладал "оума моудростью" (П.715), но был правителем совершенно иного типа. Выбор эпической, дружинной или церковно-книжной традиции, преобладание в похвале одной из них, тоже во многом соотносятся с фигурой князя, его окружением (приближенные воителя - окружение князя "любокьнижнаго"). С этим связано также соотношение в похвале сугубо моралистического начала и информации о практической деятельности, конкретике привычек, поведения. Характеристика, да и вся похвала в целом (в случае появления пространной лаудации), могла быть адресована как людям "преизлиха насыьтышемся сладости книжные" (например, похвалы - Андрею Боголюбскому, Владимиру Васильковичу, Константину Всеволодовичу и некоторым другим), так и княжеской гриди. В первом случае похвала становилась гораздо шире простой некрологической характеристики, приобретала изощренные книжные очертания, получала большую самостоятельность от летописного текста. Во втором - превращалась в немногословное пере-

числение главным образом дружинных достоинств князя, оставаясь в рамках столь характерной для раннего летописания малой повествовательной формы.